

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА

УДК 343.01

doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.121-140

ПРОБЛЕМЫ ВИНЫ, ВИНОВНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ В ОСНОВНЫХ УГОЛОВНО- ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ (доктринальный и законотворческий аспекты)

И.А. Тарханов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье исследуются различные аспекты вины, виновности, деятельного раскаяния, их рассмотрение происходит через призму реализованных норм, доктрины права и законотворчества. В частности, изучаются уголовно-правовые доктрины и законодательство стран, которые считаются наиболее яркими представителями континентальной семьи, семей общего и мусульманского права.

Автор исходит из того, что законодательство многих как европейских, так и арабских стран не содержит определения понятия вины, указывая лишь на ее место в системе элементов преступления. При этом учитывается легальный элемент преступления, который нередко рассматривается в науке как предварительное условие ответственности, а не самого преступления. Понятие вины излагается в теории и законодательстве различных правовых семей либо в рамках морального (психологического) элемента на основе оценочной теории вины («упречности»), либо только в смысле социально-психологического отношения лица к совершенному им деянию и его последствиям.

В работе развивается идея о том, что признание вины как показатель деятельного раскаяния лица в совершенном преступлении имеет иное содержание в религиозных источниках, чем в уголовном праве, что отвечает его предмету правового регулирования.

Ключевые слова: уголовно-правовые системы, вина, виновность, деятельное раскаяние, уголовное право, наказание, уголовная ответственность

1. Во всем многообразии правовых систем современного мира принято особо выделять три основные правовые семьи: континентальную (романо-германскую), семьи общего (англо-саксонскую) и мусульманского права. При этом, как справедливо подчеркивал Р. Давид, в одном и том же государстве иногда «действуют несколько конкурирующих правовых систем» [1, с. 18].

Ученый полагал также, что социалистическая правовая система, которую он выделял ранее как самостоятельную правовую семью, «сходит со сцены».

В то же время он проявил дальновидность, полагая, что социалистические правовые идеи «несомненно скажутся на том новом праве, к которому придут бывшие социалистические страны» [1, с. 21]. В предисловии к названной работе В.А. Туманов также отмечает, что социалистического права как типа «сегодня не существует» [1, с. 6], однако нельзя не признать при этом, что новый этап сближения «нового права» с европейской континентальной правовой семьей происходит на качественно иной социальной и нормативной основе, на которую указывал и Р. Давид. Наиболее отчетливое отражение это получило в российском уголовном праве, доктрина которого предложила *свое* представление о традиционных правовых институтах и отдельных уголовно-правовых категориях, предполагающее их осмысление мировым сообществом и его интерпретацию в процессе возможной имплементации.

2. За основу исследования проблемы, заявленной в наименовании настоящей работы, взяты уголовно-правовые доктрины и законодательство стран, которые считаются наиболее яркими представителями континентальной семьи, семей общего и мусульманского права. Последняя представлена в данной статье уголовным правом Йемена, история становления и современное развитие которого выделяются, на наш взгляд, среди других арабских и мусульманских стран.

Анализ зарубежного уголовного законодательства, представляющего различные правовые семьи, включает в себе научный и практический интерес. В особенности это касается мусульманского права. Во-первых, законодательство многих арабских стран, включая и Йемен, обычно относят к семье религиозного (мусульманского) права, научная информация о котором в России представлена в недостаточном объеме, является качественно разнородной, а подчас противоречивой. Во-вторых, значительно укрепляются взаимоотношения России с этой группой государств, что предполагает знание их законодательного материала и его источников. В-третьих, Йемен относится к числу стран, которые считаются колыбелью арабской цивилизации и имеют длительную, но противоречивую с точки зрения развития историю. Один из ее этапов – существование ранее двух независимых друг от друга составных частей, одна из которых (Южный Йемен) длительный период находилась под английским протекторатом, где властвовали законы колонизаторов, именуемые «Законами Адена» («Аденскими законами»). И, наконец, сейчас в Йеменской Республике (ЙР) имеет место вооруженный конфликт, который сами йеменцы называют гражданской войной. Не исключено, что он может завершиться новым разделом пока единого государства и установлением разных правовых систем.

3. Исламский мир до середины XIX в. (XIII в. Хиджры – летоисчисление идет от момента переселения пророка Мухаммада из Мекки в Медину) пребывал в относительно замкнутом социокультурном пространстве, где в полной мере реализовало себя *мусульманское* уголовное право, которое относят к религиозной уголовно-правовой семье наряду с индуистским, иудейским, каноническим правом. В литературе отмечается, что три из названных уголовно-правовых системы «практически исчезли с правовой карты мира, тогда как мусульманское уголовное право... достаточно широко применяется, охватывая... в той или иной мере шестую часть населения земного шара» [2, с. 51]. С этим утверждением трудно не согласиться, однако следует обратить внимание на то,

что представляется важным для понимания арабского уголовного права и права Йемена. Их действующую уголовно-правовую систему вряд ли можно признавать мусульманским уголовным правом в подлинном и точном смысле этого понятия.

4. Действительно, согласно Конституции Йеменской Республики (К ЙР) шариат является главным источником законодательства страны (ст. 3). Слово «шариат» в переводе на русский язык означает «путь следования» (или «прямой путь»). В Коране говорится: «Потом Мы устроили тебя на прямом пути повеления. Следуй же по нему и не следуй страстям тех, которые не знают!» (аят 18 суры 45) [3]. По мнению специалистов, шариат составляет ту часть религии ислама, в которой регламентировано священное право, при этом в нем выделяется отрасль, которую можно рассматривать как совокупность норм, имеющих, в нашем понимании, уголовно-правовую природу, ее источником считают Коран и хадисы (предания) Сунны [2, с. 53].

Помимо шариата, юридическим источником для решения конкретных дел признается *фикх*, рассматриваемый нередко только как *доктрина* права шариата, сформированная трудами авторитетных богословов и юристов. Однако следует присоединиться к мнению других специалистов, которые полагают, что составным элементом фикха является также совокупность правовых норм, трактуемых как общие принципы и выводы фикха [4, с. 53], «полный свод выявленных посредством иджтихада (толкования, извлечения, обнаружения. – *И.Т.*) правовых норм» [2, с. 58].

По мнению Л.Р. Сюкияйнена, фикх рассчитан главным образом на сферу частного права, поскольку ислам возник как религия арабских торговцев, и положения фикха почти не распространяются на решение уголовно-правовых вопросов [4, с. 53]. С этим утверждением трудно безоговорочно согласиться, так как довольно значительная часть общих принципов фикха (сейчас их более 100), имеет непосредственное отношение к мусульманскому уголовному праву.

Однако основное и весьма значительное влияние на содержание уголовного права Йемена оказывает всё же шариат. Так, в Уголовном Кодексе Йеменской Республики¹ (УК ЙР) преступления подразделяются на три одноименных категории: худуд, кисас и тазир (та'зир). В соответствии с этим выделяются и три категории наказаний. Преступления и наказания категории «худуд»² выделяются главным образом потому, что *посягают* на права Аллаха либо на права Аллаха в сочетании с правами индивида (где первые являются доминантой), а наказания за них *точно* установлены в Коране и Сунне. При решении конкретного дела *никто* (включая судью, потерпевшего) не вправе их заменить или повлиять на применение иным образом. Нормы шариата, извлеченные из Корана и Сунны, определяют виды наказаний категории «худуд». В уголовном праве Йемена в их числе называются смертная казнь, забрасывание камнями

¹ Этот законодательный акт имеет иное наименование: «Закон о преступлениях и наказаниях» (Канун аль-джараим ва ук-кубат). Однако по структуре, содержанию и кругу решаемых вопросов он соответствует актам, называемым уголовными кодексами. Это делает возможным использовать в дальнейшем общепринятое наименование «Уголовный кодекс».

² В арабском языке термин «хад» имеет несколько значений, но основное из них – «предел». Поэтому «худуд» (множественное число от «хад») обычно толкуется как «пределы, границы, определенные Аллахом».

до смерти, отсечение ноги или руки (либо обеих частей тела «накрест»), бичевание и др. [5, с. 3].

5. Следовательно, шариат, как *источник* законодательства, оказывает существенное влияние на формирование не только отдельных норм уголовного права ЙР, но и его основных институтов. Однако он не является единственным материальным источником уголовного законодательства Йемена. В К ЙР выражена ее приверженность общепризнанным нормам международного права (ст. 5). Она проявляет себя в содержании целого ряда уголовно-правовых норм, в частности об ответственности за посягательства на права детей, которые с учетом норм международного права сформулированы в Законе ЙР 2002 г. «О правах ребенка» (ЗЙР ПР).

6. Важным этапом в развитии уголовного права Йемена явилось принятие в 1994 г. УК ЙР, в котором были восприняты положения континентального, а в отдельных случаях общего права. Таким образом, кодификация уголовного права на основе признания шариата основным источником уголовного *законодательства* ЙР, использование для целей уголовно-правового регулирования ряда норм и отдельных институтов права, имеющего иные корни, а также отнесение судей («кады») и судов к *государственным* (а не религиозным) структурам позволяет утверждать, что уголовное право Йемена (равно как абсолютного большинства арабских стран) перестало быть *собственно* мусульманским правом со всеми присущими ему атрибутами. Оставаясь по основным элементам содержания мусульманским, по форме оно преобразовалось в светское право, нормы которого обращены не только к мусульманам, но и ко всем субъектам, вовлеченным тем или иным образом в юрисдикцию уголовного законодательства этой страны [1, с. 322–323]. Это положение представляется весьма важным для понимания современного уголовного права арабских стран, в том числе Йемена.

Следует согласиться с утверждением Р. Давида и К. Жоффре-Спинози о необходимости различать понятия «мусульманское право» и «право мусульманской страны» [1, с. 322–323]. Другие идеи и положения заимствуются не мусульманским правом, а *законодательством* той или иной арабской страны, переживающей модернизацию. Однако, судя по уголовному законодательству Йемена, оно базируется на мусульманском праве и воспринятых законом основных его концепциях. Выражаясь образно, посланные Аллахом божественные «стрелы» (в виде изложенных в Коране откровений и хадисов Сунны) по-прежнему поражают врагов существующего в обществе правопорядка.

7. В специальной литературе принято выделять период модернизации мусульманского права, именуемый «вестернизацией» (середина XIX – середина XX вв.), когда на основе континентального или общего права принимались светские законы, замещающие нормы шариата [1, с. 324; 2, с. 58–60]. Однако этот процесс не во всех странах оказался одинаково глубоким и касался главным образом публичных отраслей права, среди которых «выделяется» и уголовное законодательство. Он завершился, как уже отмечалось, принятием в ряде стран кодексов и иных законов.

Понятие «вестернизация» малоприменимо к модернизации уголовного законодательства Йемена. Как уже упоминалось, на его территории ранее было два самостоятельных, суверенных государственных образования: Южный Йемен,

где (преимущественно в Адене) действовали нормы английского права, и Северный Йемен со столицей в г. Сана и действовавшим мусульманским правом. В результате войны в 60-е годы прошлого века Южный Йемен был освобожден повстанцами и англичане были вынуждены покинуть Аден. В конечном итоге на освобожденной территории было создано новое государство – Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ), которая изъявила желание продвигаться дальше по социалистическому пути. В стране было принято соответствующее законодательство, в том числе и Уголовный Кодекс НДРЙ. Его основные принципы, концептуальные положения и многие правовые нормы не только Общей, но и Особенной части соответствовали социалистическому праву, хотя и учитывали менталитет нации, ее традиции. Поэтому рецепцию институтов социалистического права в Йемене трудно назвать «вестернизацией».

Объединительные процессы в конце 80-х – начале 90-х годов XX столетия привели к созданию на территории Йемена нового государства – Йеменской Республики. Этот период зарубежными юристами характеризуется обычно как обретение (после «вестернизации») «мусульманским миром вновь подлинной независимости», возвращение к традиции и созданию основ для «исламизации права» [2, с. 60]. В числе такого рода законодательных актов называется «исламизированный кодекс Йемена, действующий с 1994 г.», который «сменил в районах Южного Йемена построенное по континентальной модели уголовное право» [2, с. 61]. При этом автор приведенного высказывания, Г.А. Есаков, полагает, что уголовно-правовая система Йемена относится к группе стран с «гибридным правопорядком», характеризующимся смешением мусульманской уголовно-правовой традиции и традиции континентального права [2, с. 68].

8. Наличие заимствований в уголовном праве многих арабских государств, в том числе Йемена, положений иных правовых систем является одним из оснований признания «гибридности» их законодательства. В качестве подтверждения называется, в частности, немногочисленность в шариате точных норм, касающихся мирских вопросов и преобладание многозначных правил и общих ориентиров. Даже «пройдя через горнило фикха-доктрины» [4, с. 54], не все положения Корана и Сунны, шариата превратились в правовые нормы, а «точные положения... относительно... преступлений и наказаний очень часто не соответствуют современным правовым понятиям» [4, с. 59]. Более того, исламская концепция источников («указателей») исходит из того, что ряд конкретных положений Корана следует считать не собственно правилами поведения человека, а лишь их материальными источниками. Это коррелирует с положением ст. 3 К ЙР.

9. Современное уголовное законодательство Йеменской Республики состоит из трех основных юридических источников: Уголовный кодекс ЙР, Закон от 1992 г. № 26 «О благополучии несовершеннолетних» (ЗЙР БН), Закон от 2002 г. № 45 «О правах ребенка». Отдельные предписания уголовно-правового характера содержатся также в законодательных актах иной отраслевой принадлежности³. В Общей части УК ЙР раскрываются основные категории и понятия,

³ Так, в Гражданском кодексе ЙР отмечается, что личность человека начинается с момента его рождения живым, хотя зародыш имеет отдельные права, предусмотренные законом (см. ст. 37 ГК ЙР).

а в Особенной – объективные и субъективные признаки конкретных видов преступлений (уголовно-наказуемых деяний), а также санкции за их совершение. При этом перечень отдельных видов преступлений против прав ребенка заключен в Законе «О правах ребенка», принятом после подписания Йеменом соответствующих международно-правовых актов.

10. Характеристика вины, виновности и деятельного раскаяния в йеменском уголовном законодательстве неразрывно связывается с регламентацией признаков преступления, а точнее – его *элементов*. В литературе обращается внимание на то, что в самом законе не дается определения понятия элементов преступления, а внимание законодателя сосредоточивается на их описании. По мнению некоторых авторов, в частности А.А. Алави, такой подход объясняется влиянием французской школы уголовного права на арабские страны [6, с. 12]. Следует признать, что современное законодательство ЙР восприняло многие идеи *континентальной* системы права, однако с названным утверждением нельзя согласиться безоговорочно⁴.

В арабских научных источниках элементы преступления действительно рассматриваются обычно как совокупность, наличие которой необходимо и достаточно для признания деяния преступлением. Как правило, выделяются три таких элемента: легальный, материальный («а-рукн аль мади»), моральный («а-рукн аль магнауи»). Первый означает признание данного деяния преступлением путем закрепления этого в законе, второй (объективный) элемент включает в себя характеристику внешних признаков деяния и наличие причинной связи между деянием и преступным результатом, третий (психологический) элемент отражает внутреннюю сторону деяния.

11. Известно, что законодательство многих европейских стран также не содержит определения понятия преступления, указывая лишь на его структурные элементы (или «признаки»). При этом легальный элемент нередко рассматривается в науке как предварительное условие («компонент»), а не как структурный элемент преступления. Свойственное французской уголовно-правовой науке представление об элементах преступления несколько иначе интерпретируется в Германии, доктрина которой преступным деянием признает противоправное, виновное, соответствующее признакам «состава закона» деяние, находящееся под угрозой наказания [2, с. 153, 189].

12. Место вины в моральном (психологическом) элементе и в самой структуре преступления определяется арабской юриспруденцией, уголовным законодательством ЙР и уголовно-правовой доктриной страны неоднозначно. Общее определение вины в законе отсутствует⁵, видимо, потому, что само ее понятие требует необходимой доктринальной определенности. Однако во всех

⁴ Вывод А.А. Алави неоспорим, поскольку Южный Йемен длительное время был в зоне действия английского права, а Северный Йемен, граничащий с Саудовской Аравией, руководствовался законами шариата. В 1976 г. в НДРЙ был принят Уголовный кодекс, который, как утверждает названный автор, «во многом повторил Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.» [6, с. 4]. Это не совсем так. Известно, что УК НДРЙ рецептировал также ряд важных положений УК ГДР, основу которого составляло германское право. При объединении Йемена в 1990 г. и принятии в связи с этим Конституции ЙР (1991 г.) и УК ЙР (1994 г.) учитывались правовые идеи ряда цивилизованных европейских государств, не противоречившие постулатам шариата.

⁵ Такой подход характерен для уголовного законодательства большинства стран, относящихся к разным правовым семьям.

существующих ныне уголовно-правовых системах отчетливо проявляет себя тенденция к характеристике не «самой» вины, а различных ее *форм*.

13. Сущность вины и ее содержание нуждаются в тщательном анализе еще и потому, что в российской уголовно-правовой литературе иногда утверждается, что в США и Англии возможно возложение уголовной ответственности *без вины*. «В данном случае, – пишет М.В. Талан, – достаточно констатировать совершение лицом определенного в законе деяния» [7, с. 840]. Думается, что для такого категорического вывода нет достаточных оснований. Во-первых, понятие *mens rea*, обозначающее субъективную составляющую деяния, не тождественно вине в нашем (российском) уголовно-правовом понимании. Кроме того, согласно нормам общего права уголовное правонарушение традиционно предусматривает наличие определенной *степени* вины. Соблюдения этого *правила* действительно не требуется лишь 1) в случае совершения малозначительного преступления («против общественного блага»), 2) при «переносе вины» с одного человека на другого в порядке субститутивной ответственности и 3) в отношении корпорации, поскольку у нее нет рассудка в физическом смысле, а значит, не может быть свободной воли [8, с. 862–864].

Категория “*mens rea*” включает в своем содержании определенный психический *настрой ума* деятеля (некое психическое состояние лица, совершившего преступление), который иногда именуется *намерением*, и одновременно «означает» моральную *упречность*, то есть отрицательную оценку обществом этого выразившегося в объективной действительности психического отношения, поскольку оно проявлено виновным относительно действительных социальных ценностей. Основанием такой оценки является установление факта *свободного выбора* лицом социально не приемлемого и этически негативного поведения. В доктрине утверждается, что именно «категория моральной упречности дает ответы на вопросы, на которые *строго психологическое понимание субъективной составляющей* (курсив наш. – *И.Т.*) преступного деяния ответов дать не может» [9, с. 352]. Поэтому понимание *mens rea* только как «некоего психического субъективного (психического) состояния лица, совершившего преступление» [10, с. 80], подвергается сомнению.

Следует учитывать, что концепция вины в англо-американском уголовном праве опирается на идею, согласно которой «преступное деяние, объективная сторона преступления [*actus reus*], сочетается с некоей виновной волей, виновно [*mens rea*]. <...> Требования относительно наличия виновной воли имеют множество формулировок...» [8, с. 860]. В их числе называются три степени виновности: умысел (*intent*), неосторожность (*recklessness*) и небрежность (*negligence*).

Обращает на себя внимание то, что в **германской** уголовно-правовой доктрине вина понимается как *упречность* соответствующего составу деяния *поведения*. При этом она определяется как *внутреннее* отношение исполнителя к своему деянию, характеризующееся упречностью. «Упрек, – отмечает А.В. Серебренникова, – выносит суд в адрес виновного в каждом конкретном случае, определяя осознавало лицо противоправность своего поведения, точнее говоря, *должно ли было лицо осознавать* (курсив наш. – *И.Т.*), что оно действует противоправно» [11, с. 387]. Следовательно, вина в таком ее понимании включает в себе две составляющие: внутреннюю (отношение лица к своему деянию)

и внешнюю (упрек, вынесенный судом в адрес деятеля). При этом вина не признается *элементом* «состава преступления» [12, с. 15].

Уголовный кодекс **Франции** (УК Ф) также не содержит общего определения *вины*. В литературе отмечается, что конструкция вины «строится на основе понятия общей (или минимальной) вины, которая характеризует *любое* преступление» [2, с. 161]. Общая вина – это такое психологическое состояние, когда любое деяние вменяемого лица *при отсутствии форс-мажорных обстоятельств* рассматривается как волевой акт. Поэтому в самом деянии содержится не только материальный, «но уже и моральный элемент» [2, с. 161].

В уголовном законодательстве **России** тоже не излагается определение понятия вины. В ст. 25 и 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) указываются признаки умысла и неосторожности как двух (кроме двойной, смешанной) форм вины. Их анализ позволяет признать, что характеристика вины *сочетает* интеллектуальные и волевые моменты (исключение составляет характеристика вины в виде небрежности – ч. 3 ст. 26 УК РФ).

В теории российского уголовного права вина рассматривается как субъективная предпосылка (а иногда основание) уголовной ответственности. «Различная степень осознания, конкретное соотношение интеллектуальных и волевых моментов, – пишет Б.С. Волков, – определяют содержание вины, ее форм... и одновременно служат показателем степени вины» [7, с. 319].

Следует признать, что в современном российском уголовном праве учению о вине также не свойственно единство подходов, что порождает ее различные характеристики и теоретические конструкции. Достаточно распространенным является представление о вине как о *родовом* понятии умысла и неосторожности. Кроме того, в доктрине представлены позиции, близкие к пониманию вины в зарубежном уголовном праве: она «равно выражается как в объективной, так и в субъективной стороне преступления», в отрицательном отношении к установленным в обществе ценностям [13, с. 114]. Эта точка зрения, именуемая концепцией «двух вин», подвергается критике, поскольку отождествление «вины с фактом совершения преступления означает объективизирование вины...» [14, с. 85]. По мнению ученых, должно быть также отвергнуто оценочное понимание вины, где «вина определяется как упрек, который падает на преступника» [7, с. 318]. Так, А.И. Рарог утверждает, что вина подлежит отрицательной оценке, но не как «формально-юридическая категория, а как такое психическое отношение к деянию, которое обусловлено определенными антисоциальными чертами, свойствами и привычками правонарушителя», поскольку «материальное содержание умысла и неосторожности не содержит ответа на вопрос, почему данное лицо избрало вариант поведения, противоречащий интересам общества» [14, с. 95]. Следуя сложившейся научной традиции в понимании вины, в российском уголовном праве ее обычно рассматривают как психическое отношение лица к совершенному им деянию и его последствиям в форме умысла и неосторожности.

14. Анализ различных подходов к пониманию вины в зарубежном и российском уголовном праве представляется необходимым для характеристики этого уголовно-правового понятия в современном уголовном законодательстве **Йеменской Республики**. Напомним, что понятие преступления в УК ЙР включает

в себе три его элемента: легальный, материальный (объективный) и моральный (психологический), но содержание последнего в самом законе не раскрывается.

Судя по тексту закона, лицо обязано понести ответственность только за преступление, совершенное умышленно или по неосторожности (ст. 8 УК ЙР). Из конструкции умысла и неосторожности следует, что содержание вины включает в себя наличие свободного волевого акта при понимании лицом его наказуемости (ст. 9 УК ЙР) либо при обстоятельствах, требующих внимания, характерного для обычного человека в этих условиях (ст. 10 УК ЙР).

Следовательно, в сформулированном представлении о вине законодатель выдвигает на передний план *волевой* момент, понимаемый как акт «собственный» (не стесняемый предусмотренными законом обстоятельствами) волей. Такой подход присущ системе общего права обычно при характеристике им *намеренности*. При этом сам факт намеренности действий (поступка) не нуждается в специальном доказывании в силу презумпции, что неправомерные действия «вменяемого и разумного человека» всегда являются актом его воли. Между тем и неосторожность является формой вины, близкой к тому, что принято понимать под намерением, если рассматривать ее с точки зрения отношения лица к своему *поведению* как акту воли [10, с. 82]. Уголовно-правовая ответственность может наступать только в связи с действиями, которые *подконтрольны* обвиняемому [8, с. 859].

Как отмечалось ранее, это обстоятельство предполагается и в семье континентального права, хотя в разной форме: через наличие общей (или минимальной, «презюмируемой») вины (УК Ф) или косвенно через осуществление уголовно-наказуемого деяния *по своему представлению* о деянии (§ 22 УК ФРГ).

Таким образом, следует полагать, что УК ЙР воспринял положения не религиозного, а светского законодательства о требовании свободной («собственной») воли как необходимого элемента вины.

15. В УК ЙР следующим элементом вины называется понимание (осознание) лицом наказуемости своего поступка или неприемлемости подобного поведения для «обычного человека», который в состоянии (может) *предвидеть* преступные результаты поступка и, соответственно, избежать их наступления (ст. 9, 10 УК ЙР).

В системах общего и континентального права этот компонент вины не только презюмируется, но и утверждается применительно как к умышленной, так и неумышленной формам вины. Н.Е. Крылова отмечает, что по УК Франции при *неумышленной* вине поведение исполнителя является *сознательным* (и желаемым), но «он не стремится ни к какому вредному последствию» [10, с. 88].

В российской уголовно-правовой науке проблема *осознания* решается в рамках интеллектуального аспекта (момента) вины и в зависимости от ее формы. Так, по мнению Б.С. Волкова, *во всех случаях* неосторожности «лицо не осознает общественную опасность своих действий (бездействия)», хотя ученый полагает при этом, что различная *степень* осознания определяет содержание умысла или неосторожности [7, с. 319]. Другие исследователи высказываются по этому вопросу более определенно. К примеру, П.С. Дагель считает, что при самонадеянности (этот вид вины в УК РФ именуется легкомыслием) у субъекта отсутствует сознание общественной опасности совершаемого деяния [15, с. 120].

Иного мнения придерживается А.И. Рарог: «сознание общественной опасности деяния, – полагает ученый, – входит в содержание самонадеянности как разновидности вины», поскольку лицо «сознает типичность... последствий для аналогичных ситуаций, т. е. понимает потенциальную опасность своего деяния для общества» [14, с. 56]. Не все выдвигаемые А.И. Рарогом аргументы можно принять как убедительные. Так, представляется, что отсутствие в уголовном законе (ч. 2 ст. 26 УК РФ) требования *осознания* лицом общественной опасности своего деяния при легкомыслии связано именно с его расчетом (пусть без достаточных к тому оснований самонадеянным) на *предотвращение* общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Указание в этом законе на предвидение общественно опасных последствий включено в законодательную конструкцию легкомыслия как субъективный признак, обращенный к данному фрагменту объективной стороны преступления, описанного в УК РФ по типу материального. Основная его функция – отразить психологическую составляющую (интеллектуальный аспект) понимания лицом негативного результата своей деятельности. Однако это не означает, что предвидение общественно опасных последствий предполагает осознание лицом общественной опасности своего поступка (деяния). А.И. Рарог прав в том, что некое сознание должно присутствовать. При легкомыслии оно, конечно, присутствует, но в виде сознания *риска* нанесения вреда, а не общественной опасности действий (бездействия) [8, с. 861]. В этом случае лицо полагает, что риск является оправданным, поскольку расчет на предотвращение вреда выстроен с учетом некоторых объективных и субъективных факторов, наличие которых, по мнению деятеля, должно устранить опасность, дезавуировать риск. Именно опора на эти факторы (обстоятельства) позволяет лицу убедить *себя* в том, что наступление общественно опасных последствий в *данном* случае исключается.

Такое понимание интеллектуального момента легкомыслия характерно для американской и французской уголовно-правовой доктрины. Последняя предлагает именовать этот феномен «непростительной неосторожностью»: лицо сознательно идет на риск, надеясь при этом, что его деяние не причинит ущерба. По мнению французских ученых, непростительная неосторожность должна занять место между умыслом и неосторожностью [10, с. 88].

В уголовном законодательстве Йемена конструкция неосторожности (она именуется «неумышленностью») также учитывает подобные доктринальные суждения, хотя опирается на «теорию ошибки» как научную основу характеристики неосторожности. Согласно ст. 10 УК ЙР при «неумышленной ошибке» лицо предполагает, что вреда можно *избежать*, либо не предвидит результата, но он мог быть предвиден, поскольку предвидится «обычным человеком». В последнем случае речь идет о вине, именуемой небрежностью.

16. В ряде стран, относящихся к различным уголовно-правовым системам, *небрежность* считается самостоятельной формой вины и обособляется от неосторожности. Наиболее отчетливо терминологически (“negligence”) и понятийно это выражено в уголовном праве Англии. В США небрежность признается меньшей *степенью* виновности, чем неосторожность [8, с. 861].

В большинстве законов стран, относящихся к семье континентального права, а также в УК ЙР небрежность включается в состав неосторожной формы вины.

Независимо от места небрежности в системе составляющих субъективной стороны деяния, она действительно отличается от других разновидностей (или форм) вины *отсутствием* у лица сознания (осознания) социальной опасности своего поведения и предвидения его вредных для общества последствий. Отсутствие интеллектуальных компонентов, характеризующих вину в обычном ее понимании, исключает психическое отношение лица к последствиям своего деяния. Поэтому в уголовном праве России небрежность рассматривают как особую разновидность вины, граничащую с невиновным причинением вреда. С позиции «теории упречности» при таком понимании психических процессов, происходящих в сознании человека (отсутствие осознания и предвидения), необходимы серьезные основания для признания его поведения упречным.

В рамках такого представления о вине понятие упрека переносится из сферы наличия указанных ранее интеллектуальных компонентов в плоскость *долженствования и возможности* осознания опасности деяния и предвидения причинения вреда. Критерием их определения чаще всего называется существование определенной обязанности и возможность ее реализации «разумным и осторожным» или «обычным» человеком (ст. 10 УК ЙР) в *данной* ситуации.

В УК РФ небрежность является разновидностью неосторожности (ч. 3 ст. 26). Упречность *поведения* законодатель видит в отсутствии у лица «необходимой внимательности и предусмотрительности», проявление которых должно было и могло *обеспечить* предвидение наступления общественно опасных последствий. Термин «должно» отражает объективный критерий небрежности (наличие правовой или иного вида обязанности), а «могло» – субъективный (наличие реальной возможности выполнить эту обязанность).

В УК ЙР неосторожная форма вины рассматривается в рамках категории «ошибка», как это имеет место в УК ФРГ, в котором различаются два вида ошибки: в фактических обстоятельствах дела (§ 16) и в запрете (§ 17). Йеменский законодатель воспринимает эту концепцию, если судить по наименованию ст. 10 УК ЙР («Неумышленная ошибка») и ее конкретному содержанию. В российском уголовном праве категорию ошибки анализируют обычно в рамках теории субъективного вменения [16].

Интеллектуальные аспекты характеристики вины (осознание и предвидение) отражают способность лица к восприятию социальных ценностей, охраняемых уголовным законом. Они весьма значимы для понимания возможности субъекта познавать окружающую его социальную, в том числе правовую, действительность и отвечать за содеянное. Не случайно в развитых правовых системах невменяемость, понимаемая обычно как неспособность человека осознать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие болезненного состояния психики (см., например, ст. 21 УК РФ), исключает уголовную ответственность. Состояние интеллектуального потенциала людей находится в сфере общественных интересов. Вместе с тем более актуальным в общественном сознании и значимым для права является информация о действительных устремлениях граждан, их социальной (ценностной) ориентации, отношении к негативным последствиям своих поступков.

17. Об отношении субъекта к социальному вреду, причиняемому преступным актом поведения, можно судить по законодательным признакам, описывающим **волевой** аспект характеристики вины. Во многих уголовно-правовых системах современности он определяется через такие понятия, как «желание», «допущение», «безразличие», либо косвенным образом посредством указания на расчет на предотвращение последствий или их непредвидение. В обобщенном виде отношение деятеля к *последствиям* своего деяния может быть позитивным («желание», «сознательное допущение»), позитивно-нейтральным («безразличие») и негативным («расчет на предотвращение»). В зависимости от характера волевого отношения преступника к социальному вреду своего деяния вина подразделяется на умысел и неосторожность, понимаемую как самонадеянность (или легкомыслие).

Небрежность обычно отличается от названных ранее форм вины *отсутствием* такого *отношения*. Непредвидение лицом общественно опасных последствий своего поведения нередко определяется невыполнением должного либо невозможностью реализовать свои обязанности должным образом [10, с. 88]. Очевидно, по этой причине небрежность как форма вины в уголовном праве некоторых стран обособляется от умысла и неосторожности. Так, в уголовном праве США выделяется три *степени* виновности: умысел (intent), неосторожность (recklessness) и небрежность (negligence).

Представляется, что именно в *волевом аспекте* характеристики вины фокусируется антисоциальная установка личности, проявляется система ее ценностных ориентаций. В российской уголовно-правовой доктрине данная проблема рассматривается в рамках определения *сущности* вины. «Негативное отношение лица к социальным ценностям общества, выраженное в совершенном преступлении, – пишут Б.С. Волков и Б.В. Сидоров, – и определяет социальную сущность вины» [7, с. 318]. С этим выводом трудно не согласиться. Однако, как отмечалось ранее, вина как уголовно-правовое понятие представляет собой органическое сочетание интеллектуальных и волевых моментов психической активности деятеля или проявляемой при совершении деяния пассивности в *отображении* реальной действительности, которое определяется рамками должного и возможного.

Не исключено, что сложность психологической характеристики вины, двойственность (многозначность) ее понимания в силу многовековых традиций разных уголовно-правовых систем являются одной из веских причин отсутствия законодательного и обобщенного на доктринальном уровне определения понятия вины. Очевидно, имеются и иные обстоятельства, препятствующие положительному решению этого вопроса.

Понятие **«виновность»** является однокоренным с термином «вина». В словарях русского языка слово «вина» имеет несколько значений: 1) проступок, преступление; 2) причина, источник чего-нибудь (неблагоприятного). В свою очередь, «винить» означает: 1) считать виновным; 2) упрекать. Соответственно, термин «виновность» обозначает наличие вины, а виновным называется такой, на котором лежит вина, совершивший проступок [17, с. 68]. Очевидно, что языковое значение того или иного термина не всегда полностью переносимо на юридическую почву, содержание которой насыщено иными компонентами и функциями.

В связи с этим правовые понятия «вина» и «виновность» при их очевидной схожести приобретают в праве значение различных категорий.

В уголовно-правовых системах современности данные понятия подчас воспринимаются как синонимичные, хотя термином «виновность» (в отличие от понятия «вина») обозначается качественно иное состояние, близкое к пониманию ответственности. Не случайно в российской уголовно-правовой доктрине вина рассматривается нередко как главное субъективное *основание* уголовной ответственности [7, с. 323], хотя в ст. 8 УК РФ основание излагается в несколько ином, более широком контексте: «совершение деяния, содержащего *все* (курсив наш. – *И.Т.*) признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Однако дело не только и не столько в этом. В процессуальных отраслях права понятие виновности ассоциируется обычно с представлением об ответственности, эти понятия часто рассматриваются как синонимы, что необходимо учитывать при их характеристике. Признать себя виновным фактически означает признать себя ответственным за содеянное.

18. Признание вины является одним из показателей *раскаяния* в совершенном преступлении, рассматриваемом в религиозных источниках как грех, грехопадение. Требование раскаяния считается одним из постулатов распространенных в мире религий, с его соблюдением связывается идея *прощения*, примирения с Богом.

В христианстве утверждается, что кающейся грешник доставляет на небесах более радости, нежели девяносто девять праведников, «не имеющих нужды в покаянии» [18, с. 4]. Богословы исходят из того, что прощение обид, примирение с Богом «есть истинное христианское милосердие, превосходящее по своему значению добрые дела, труды и подвиги» [19, с. 4].

В Библии о раскаянии сказано следующее: «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (стих 13 главы 28 Книги Притчей Соломоновых) [20]. Данный тезис не является единственным в христианстве, идея милосердия прослеживается во многих его аспектах. Деятельное раскаяние как правовая категория непосредственно вытекает из одной из центральных идей христианства – идеи покаяния в совершенных грехах. Это свидетельствует о возрастающей роли нравственных ценностей в жизни современного общества и об усилении взаимосвязи между правом и моралью.

Понятие раскаяния известно и исламу, который сложился с приходом посланника Мухаммада и появлением священной книги мусульман Корана. Русская философия и богословие с глубоким пониманием относились к другим монотеистическим религиям, полагая, что вера в единого Бога и в Его праведный суд одна и та же *во всех* откровениях.

Ислам является второй по распространенности религией в России. Он оказывал и оказывает существенное воздействие на духовный облик определенной части российского населения, на его менталитет и правосознание. По этой причине характеристика раскаяния в исламе, представление о его содержании и влиянии на социально-правовой статус личности имеют не только познавательный интерес. Следует также отметить, что соответствующие предписания мусульманского права по разным причинам не так часто вводятся в научный

оборот и не всегда адекватно интерпретируются в современной юридической литературе. Это важно иметь в виду, анализируя уголовное законодательство ЙР.

В Коране раскаяние выражается понятием «тауба». В арабском языке слово «тауба» имеет два значения: 1) покаяние и 2) исправление [21, с. 95]. Оно может выражать отношение субъекта к предмету раскаяния, подчеркивать особенности его эмоциональной сферы и обозначать те фактические обстоятельства, которые являются содержанием деятельности субъекта и определяют ее итог. Представляется, что по совокупности этих значений термин «тауба» приближается к уголовно-правовому понятию «деятельное раскаяние». Такое его понимание в мусульманском праве связано прежде всего с представлением о *религиозном* характере и *природе* данного социального института, особенностями восприятия преступления как греховного деяния.

Комментатор Корана Бейзавий толкует покаяние как принятие Богом кающегося, оно «состоит в исповеди греха, раскаянии в нем, решимости не возвращаться к нему» (цит. по [22, с. 77]). Человек, чувствующий свою вину за грех и отвращающийся от него, может быть уподоблен рабу, который возвращается к своему хозяину. Это и есть «тауба», что значит обратиться (вернуться). Когда хозяин принимает покаяние раба, он относится к нему по-доброму и прощает его. Такое понимание покаяния Г. Саблуков объясняет его происхождением из обычаев доисламских аравийских племен. Он пишет: «Покаяние есть осознание своего преступления и, вследствие этого осознания, есть страдание души – тяжелое для разумно-свободного существа чувство неправильного употребления своих сил. Как чувство, соразмеряющееся только сознанию неправильности своей деятельности перед Богом, оно не есть удовлетворение Правде Божией, а потому не может устранить ее от себя и заслужить только милосердие Бога» [22, с. 79].

В христианстве «покаяние грешника не есть *право* на милость Бога, оскорбленного грехом» [22, с. 79], а потому не исключает некоей санкции за содеянное. Однако в исламе такое представляется возможным. Таким образом, покаяние имеет весьма эмоционально насыщенное *субъективное* содержание.

В Коране также содержатся положения, которые позволяют достаточно точно определить, что должен *делать* грешник, чтобы *рассчитывать* на милость Бога к нему, то есть раскрывается содержание покаяния как определенного действия. В суре «Аль-Имран» («Семейство Имрана») приводится некоторое общее положение о покаянии: «А те, которые совершили мерзость или обидели самих себя, вспомнили Аллаха и попросили прощения своим грехам, – а кто прощает грехи, кроме Аллаха? – и не упорствовали в том, что они совершили, будучи знающими, – у этих наградой – прощение от Господа их и сады, где внизу текут реки, вечно пребывать они будут там – и прекрасна награда делающих!» (аят 135 суры 3) [3]. Иными словами, рай обещан и совершившим грех, если они, во-первых, признают недозволенность с точки зрения ислама своих поступков («вспомнили Аллаха»), во-вторых, исповедуются в своих грехах («попросили прощения») и, в-третьих, откажутся от прежнего поведения и исправятся, не допуская впредь повторения («не упорствовали в том, что они совершили»). При этом подчеркивается активный, деятельный характер покаяния («прекрасна награда делающих»).

Объективная сторона покаяния как требования совершения активных действий может проявить себя, к примеру, в принесении очистительной милостыни, то есть она может иметь имущественную форму возмещения причиненного вреда. Субъективная сторона выражается прежде всего в осознании и признании греховности содеянного.

Раскаяние по канонам раннего мусульманского права влияет на назначение наказания за конкретное преступление, то есть на «земную» санкцию. Степень ее суровости определяется в первую очередь тяжестью преступления, его видом, категорией [23, с. 87–88]. Так, при решении вопроса об ответственности за вооруженное нападение на путников в дороге с целью завладения их имуществом раскаяние лица, имевшее место до того, как он был схвачен властями, *принимается* (учитывается) и его ответственность подлежит смягчению. В этом случае на него может быть возложено иное наказание, отличное от того, которое предписано в Коране («будут убиты, или распяты, или будут отсечены у них руки и ноги накрест, или будут они изгнаны из земли» (аят 33 суры 5) [3]) по усмотрению властей (тазир), и, кроме того, предполагается религиозное искупление (каффара) [24, с. 183].

Применительно к наказанию за убийство в Коране сказано: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный – за свободного, и раб – за раба, и женщина – за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то – следование по обычаю и возмещение ему во благо» (аят 178 суры 2) [3]. Исходя из этого, раскаявшийся преступник мог быть освобожден от применения смертной казни за убийство, если наследники убитого простили его. В этом случае смертный приговор заменяется выкупом за кровь – дийа («кровавые деньги»). Эти положения нашли отражение в УК ЙР.

По мере становления правовой системы раннего исламского государства происходит некоторое изменение роли и значимости раскаяния. Нормы о раскаянии в этот период уже не содержат конкретных предписаний, провозглашая лишь возможность помилования человека Богом. Санкции за преступления становятся всё более конкретными и «карающими», отождествляются с исполнителями высшей воли. К примеру, если при наказании за прелюбодеяние первоначально регламентировалось предписание «отвернуться» (то есть простить грешников, но в то же время не уподобляться им), то в дальнейшем вводится требование безжалостно наказывать прелюбодеев.

В этих условиях изменялось и восприятие раскаяния, выразившееся в увеличении значимости его религиозного аспекта – *покаяния* как пути к искуплению (отмене потусторонней кары). Раскаяние (исправление) как основание снятия или облегчения «земной» санкции постепенно утрачивает черты всеобщности, хотя Коран предусматривает некоторые исключения⁶.

Таким образом, во многих религиозных источниках и правовых памятниках понятие раскаяния так или иначе связывается с *признанием* человеком своего проступка как греховного деяния, *осознанием* своей *вины* за грехопадение,

⁶ Во времена Древнего Рима также существовали жесткие постановления, не предусматривающие никаких послаблений и отступлений от общих правил. Ничто не могло повлиять на предначертанное преступнику возмездие. Лишь для состава изнасилования было сделано исключение (последующий брак погашал предшествующее преступление) [25].

исповедью греха и *отвращением* от него, *решимостью* не возвращаться к нему впредь.

Одновременно с этим утверждается необходимость *принятия* покаяния Всевышним и властью. В сущности, именно оно и позволяют грешнику *рассчитывать* на милость в виде *прощения*. При этом в христианстве, как отмечалось ранее, покаяние не является правом грешника на «милость Бога, оскорбленного грехом». Оно дарит ему лишь *надежду* на полное прощение или смягчение участи.

Религиозные истоки покаяния оказывают воздействие на представление юристов о деятельном раскаянии. Так, А.М. Балафендиев полагает, что в его основе должно быть искреннее, чистосердечное раскаяние, которое характеризуется «внутренними переживаниями и чувством вины перед потерпевшим и обществом в целом, сожалением о содеянном, отрицательным отношением к преступлению, готовностью загладить причиненный вред» [26, с. 23].

В русском языке слова «раскаяться», «каяться» имеют несколько значений: «испытать сожаление, признаться в совершенной ошибке, в неправильном поступке», либо «исповедаться», либо «признать вину» [17, с. 536, 220]. В этом смысле содержание термина «раскаяние» действительно приближается к религиозному.

Понятие раскаяния, отраженное в религиозных источниках, действительно включает в себе ряд нравственных оценок. Следует согласиться с А.В. Наумовым в том, что «преступление... нередко обнаруживает тайники человеческой души, делает видимой психологию человека» [27]. По этой причине проблема преступления и наказания часто становится объектом художественного отображения, глубоко нравственных оценок. Однако уголовное право в силу своей природы и предмета правового регулирования объективно не способно влиять на все струны человеческой души, хотя и направлено на позитивное изменение системы ценностных ориентаций лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Поэтому характер, уровень и содержание уголовно-правовых требований, предъявляемых к поведению гражданина, более прагматичны, менее высоки, чем притязания, содержащиеся в нормах морали и нравственности.

Положение о смягчении ответственности в уголовном законодательстве Йемена в определенной мере основывается на идее прощения кающегося грешника как лица, «*возвращающегося*» («тауба») в богоугодную сферу или примирившегося с потерпевшим. В то же время даже в самих религиозных источниках мотивы такого поступка не имеют первостепенного значения. Поэтому и в уголовном праве понятие исправления не может быть связано с обязательным обретением лицом, совершившим преступление, лучших, высоких моральных и нравственных качеств. Такие требования являются избыточными для уголовно-правовой характеристики деятельного раскаяния в любой правовой системе, хотя должны быть гармонизированы с общими требованиями морали с учетом предмета уголовно-правового регулирования.

Источники

- К ЙР – Конституция Йеменской Республики. Принята 10 нояб. 1991 г. – URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/225176>, свободный. (на араб. яз.)
- ЗЙР ПР – Закон Йеменской Республики от 2002 г. № 45 «О правах ребенка» // Офиц. бюл. – 2002. – № 12. (на араб. яз.)
- УК ЙР – Закон Йеменской Республики № 12 от 1994 г. «О преступлениях и наказаниях» // Офиц. бюл. – 1994. – № 19, ч. 3. (на араб. яз.)
- ЗЙР БН – Закон Йеменской Республики от 1992 г. № 26 «О благополучии несовершеннолетних» // Офиц. бюл. – 1992. – № 9. (на араб. яз.)
- ГК ЙР – Гражданский кодекс Йеменской Республики от 1992 г. // Офиц. бюл. – 1992 – № 19. (на араб. яз.)
- УК Ф – Уголовный кодекс Франции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 648 с.
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
- УК ФРГ – Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 524 с.

Литература

1. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 400 с.
2. *Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В.* Уголовное право зарубежных стран. – М.: Проспект, 2009. – 336 с.
3. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского, ред. В.И. Беляев. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 713 с.
4. *Сюкияйнен Л.Р.* Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2018. – № 3. – С. 50–80.
5. *Хантуш С.М.А.* Виды наказаний по уголовному праву Йеменской Республики и Российской Федерации (сравнительно-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2016. – 23 с.
6. *Алави А.А.* Преступление и наказание по Уголовному кодексу Республики Йемен: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – 21 с.
7. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. – 863 с.
8. *Бернам У.* Правовая система США. – М.: Нов. юстиция, 2006. – 1211 с.
9. *Есаков Г.А.* Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки: историко-правовое исследование. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 552 с.
10. *Крылова Н.Е., Серебренникова А.В.* Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). – М.: Зерцало, 1998. – 201 с.
11. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / Под ред. И.Д. Козочкина. – М.: Ин-т междунар. права и экономики им. А.С. Грибоедова, 2001. – 576 с.
12. *Серебренникова А.В.* Основные черты Уголовного кодекса ФРГ. – М.: Диалог, 1999. – 262 с.
13. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. – М.: Юрид. лит., 1975. – 182 с.
14. *Рарог А.И.* Вина в советском уголовном праве. – М.: Проспект, 2018. – 190 с.

15. *Дагель П.С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1977. – 143 с.
16. *Якушин В.А.* Ошибка и ее уголовно-правовое значение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 128 с.
17. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1988. – 750 с.
18. Таинство Покаяния. Как примириться с Богом. – М.: Данилов мужской монастырь, 2017. – 63 с.
19. *Триандофилова Е.И.* Радость прощения. – М.: Дарь, 2018. – 63 с.
20. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М.: Изд-во Моск. патриархии, 1979. – 1372 с.
21. Арабско-русский словарь: в 2 т. – Ташкент: Камалак, 1994. – Т. 1. – 456 с.
22. *Саблуков Г.С.* Сличение мохаммеданского учения о именах божиих с христианским о них учением. – Казань: Унив. тип., 1872. – 200 с.
23. *Тарханов И.А., Ахмадеев И.И.* Раскаяние в исламе: содержание и его влияние на социально-правовой статус личности // Учен. зап. Казан. ун-та. – 2000. – Т. 138. – С. 84–90.
24. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
25. *Бойко А.И.* Римское и современное уголовное право. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 257 с.
26. *Балафендиев А.М.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2016. – 27 с.
27. *Наумов А.В.* Отражение преступления и наказания в художественной литературе как уточнение доктринальных подходов к изучению данной проблемы в уголовно-правовой науке // Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино: Коллектив. моногр. по материалам XIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М.И. Ковалева. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2016. – С. 31.

Поступила в редакцию
04.12.18

Тарханов Ильдар Абдулхакович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: itarhanov@mail.ru

**Problems of Guilt, Culpability, and Active Repentance
in the Main Criminal Legal Systems of the Modern World
(Doctrinal and Legislative Aspects)**

I.A. Tarkhanov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: itarhanov@mail.ru

Received December 4, 2018

Abstract

In this paper, various aspects of guilt and culpability, active repentance have been considered through the prism of implemented norms, the doctrine of law and lawmaking. In particular, criminal law doctrines and legislation of countries that are the most prominent representatives of the continental family, families of common law, and Muslim law have been studied.

The research is based on the fact that the legislation of both many European and Arab countries does not contain a definition of the concept of guilt, indicating only its place in the system of elements of crime. At the same time, the “legal element” of crime is taken into account, which is often considered in science as a prerequisite for liability. The concept of guilt is established in the theory and legislation of various legal families, either within the “moral” (psychological) element based on the estimated theory of guilt (“pre-emption”) or only in the sense of a person’s socio-psychological attitude and its consequences.

The paper develops the idea that the confession of guilt, as an indicator of the active repentance of a person in a crime, in religious sources has a different content than in criminal law, which corresponds to the subject of legal regulation.

Keywords: criminal legal systems, guilt, culpability, active repentance, criminal law, punishment, criminal liability

References

1. David R., Joffre-Spinosi K. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* [Major Legal Systems of the Time]. Moscow, Mezhdunar. Otn., 1999. 400 p. (In Russian)
2. Esakov G.A., Krylova N.E., Serebrennikova A.V. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran* [Criminal Law of Foreign Countries]. Moscow, Prospekt, 2009. 336 p. (In Russian)
3. *Koran* [Quran]. Moscow, Izd. Vost. Lit., 1963. 713 p. (In Russian)
4. Syukiyaynen L.R. General principles of fiqh as reflection of juridical features of Islamic law. *Pravo. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki*, 2018, no. 3, pp 50–80. (In Russian)
5. Hantush S.M.A. Types of criminal punishment in the Republic of Yemen and Russian Federation (comparative legal aspect). *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci.* Kazan, 2016. 23 p. (In Russian)
6. Alawi A.A. Crime and punishment in the Criminal Code of the Yemen Republic. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci.* Kazan, 2003. 21 p. (In Russian)
7. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Sundurov F.R., Tarkhanov I.A. (Eds.). Moscow, Statut, 2016. 863 p. (In Russian)
8. Burnham W. *Pravovaya sistema Soedinennykh Shtatov Ameriki* [Introduction to the Law and Legal System of the United States]. Moscow, Nov. Yustitsiya, 2006. 1211 p. (In Russian)
9. Esakov G.A. *Mens Rea v ugolovnom prave Soedinennykh Shtatov Ameriki: istoriko-pravovoe issledovanie* [Mens Rea in the Criminal Law of the United States: A Historical and Legal Investigation]. St. Petersburg, Yurid. Tsentr Press, 2003. 552 p. (In Russian)

10. Krylova N.E., Serebennikova N.E. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran (Anglii, SShA, Frantsii, Germanii)* [Criminal Law of Foreign Countries (England, USA, France, Germany)]. Moscow, Zertsalo, 1998. 201 p. (In Russian)
11. *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh gosudarstv. Obshhaya chast' [Criminal Law of Foreign Countries. General Part]*. Kozochkin I.D. (Ed.). Moscow, Inst. Mezhdunar. Prava Ekon. im. A.S. Griboedova, 2001. 576 p. (In Russian)
12. Serebrennikova A.V. *Osnovnye cherty Ugolovnogo kodeksa FRG* [Major Characters of the Criminal Code of the FRG]. Moscow, Dialog, 1999. 262 p. (In Russian)
13. Demidov Yu.A. *Sotsial'naya tsennost' i otsenka v ugolovnom prave* [Social Value and Assessment in Criminal Law]. Moscow, Yurid. Lit., 1975. 182 p. (In Russian)
14. Rarog A.I. *Vina v sovetskom ugolovnom prave* [Guilt in the Soviet Criminal Law]. Moscow, Prospekt, 2018. (In Russian)
15. Dagal' P.S. *Neostorozhnost'. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Negligence. Criminal and Criminological Problems]. Moscow, Yurid. Lit., 1977. 143 p. (In Russian)
16. Yakushin V.A. *Oshibka i ee ugolovno-pravovoe znachenie* [Error and Its Criminal and Legal Value]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1988. 128 p. (In Russian)
17. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Shvedova N.Yu. (Ed.). Moscow, Rus. Yaz., 1988. 750 p. (In Russian)
18. *Tainstvo pokayaniya. Kak primirit'sya s Bogom* [The Sacrament of Repentance. How to Reconcile with God]. Moscow, Danilov Muzhskoi Monastyr', 2017. 63 p. (In Russian)
19. Triandofilova E.I. *Radost' proshheniya* [Joy of Forgiveness]. Moscow, Dar'', 2018. 63 p. (In Russian)
20. *Bibliya. Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta* [The Bible. Old and New Testament Scripture Books]. Moscow, Izd. Mosk. Patriarhii, 1979. 1372 p. (In Russian)
21. *Arabsko-russkii slovar'* [Arabic-Russian Dictionary]. Vol. 1. Tashkent, Kamalak, 1994. 456 p. (In Russian)
22. Sablukov G.S. *Slichenie mohammedanskogo ucheniya ob imenah bozhiikh s khristianskim o nikh uchenii* [Comparison of the Mohammedan Doctrine of the Names of God with the Christian Doctrine of Them]. Kazan, Univ. Tip., 1872. 200 p. (In Russian)
23. Tarkhanov I.A., Ahmadeev I.I. Repentance in Islam: The content and its impact on the socio-legal status of the individual. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*, 2000, vol. 138, pp. 84–90. (In Russian)
24. Sjukijajnen L.R. *Musul'manskoe pravo. Voprosy teorii i praktiki* [Islamic Law. Problems of Theory and Practice]. Moscow, Nauka, 1986. 254 p. (In Russian)
25. Boiko A.I. *Rimskoye i sovremennoe ugolovnoe pravo* [Roman and Modern Criminal Law]. St. Petersburg, Yurid. Tsentr Press, 2003. 257 p. (In Russian)
26. Balafendiev A.M. Exemption from criminal liability due to positive post-criminal behavior. *Extended Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss.*, 2016. 27 p. (In Russian)
27. Naumov A.V. Reflection of crime and punishment in fiction as a clarification of doctrinal approaches to the study of this problem in the criminal law science. In: *Ugolovnye zakonopolozheniya v izobrazitel'nom, oratorskom iskusstve, dramaturgii, klassicheskoi literature i kino* [Criminal Statutes in Visual Art, Oratory, Drama, Classical Literature, and Cinema]. Yekaterinburg, Ural. Gos. Yurid. Univ., 2016, p. 31 (In Russian)

Для цитирования: Тарханов И.А. Проблемы вины, виновности и деятельного раскаяния в основанных уголовно-правовых системах современности (доктринальный и законо-творческий аспекты) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 121–140. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.121-140.

For citation: Tarkhanov I.A. Problems of guilt, culpability, and active repentance in the main criminal legal systems of the modern world (doctrinal and legislative aspects). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 1, pp. 121–140. doi: 10.26907/2541-7738.2019.1.121-140. (In Russian)